

О всего лишь двух фальсификациях

А. В. Серегин*

Время отсчитало 65 лет с момента, когда под ударами Красной Армии рухнули надежды агрессивнейшей из идеологий — германского фашизма на мировое господство на основе расового деления мира. Казалось бы, человечество получило вернейший шанс для устойчивого, успешного развития на основе состоявшегося единения в борьбе против сил зла. Однако воспользоваться этой возможностью до конца не удалось. Фундаментальными оказались противоречия между странами-победителями, слишком глубокими — их разнополюсные интересы по обустройству послевоенного мира. Именно они, в конечном итоге, преопределили развитие международных отношений по пути, как выразился известный отечественный историк Н. Н. Яковлев, «войны после войны».

Надо сказать, что сегодняшний день не в меньшей степени обременен «военным противостоянием». Но по разным сторонам фронта расположились недобросовестные историки воевавших стран, которые ведут нешуточные бои за свое понимание и толкование событий Второй мировой войны, ее результатов и «отцовства» Победы. Подгоняемые зачастую политическими интересами, допускаю, что в какой-то степени ими и разделяемыми, но в основном исходящими от высшей государственной элиты, представители исторической науки весьма агрессивно проводят в жизнь поручения сверху. Настолько, что российский Президент Медведев был вынужден обратить на них внимание, назвав такие попытки не только агрессивными, но и все более злобными.

Такова, в нескольких словах, атмосфера, в которой готовится празднование 65-летней годовщины Победы. По правде говоря, созданная и обостренная недобросовестными и даже лживыми, с позволения сказать, исследованиями антироссийской направленности и политиканствующей возней вокруг ключевых

событий войны и роли Советского Союза в ее победном завершении, эта атмосфера продолжает накаляться и извне, и, что удручает, в нашей же стране.

Не так давно, в конце февраля текущего года, в славном городе Прага, под эгидой ПАСЕ прошла международная конференция под названием «Преступления коммунистических режимов — взгляд историков и юристов». Организовал это действо чешский Институт изучения тоталитарных режимов. Однако основную организаторскую работу проделали «юристы и историки» чешского Сената и аппарата правительства республики. Их усилиями удалось собрать представителей 26 организаций из 19 стран.

Конечно же, интерес проявили представители Европарламента, где, как и в ПАСЕ, процент «заинтересованных юристов и историков», желающих развивать тему, неприлично выделяется среди подобного рода организаций. В конференции приняли участие представители фондов К. Аденауэра и Р. Шумана, «анти тоталитарных» институтов из скандинавских стран, государств Восточной Европы и Балтии, а также многочисленных научно-политических центров и объединений, включая российский «Мемориал», которые наперегонки рвутся участвовать в любом публичном мероприятии, чтобы застолбить свою антироссийскую позицию. Ну, не верится, что они делают это бескорыстно, сподвигаясь идеей улучшения мира через «улучшение» России. Наверное, все же существует источник поощрения такого рвения.

Форум открыл премьер-министр Чехии Я. Фишер. Признаться, из уст премьера весьма странным было услышать исторические и политические обобщения, из которых без каких-либо усилий, предназначенных для расшифровки дипломатически закамуфлированных формулировок, можно было догадаться о его убежденности в виновности России за коммунистическое прошлое СССР. Намеки и ли-

* Александр Васильевич Серегин — кандидат культурологии, директор Дирекции информационно-издательских программ.

митрофные недоговоренности премьера, понятно, не вписываются в контекст весьма приятных российско-чешских отношений. Однако и он, и председатель Сената Й. Лишка, и лидер демократов М. Тополанек, как «историки и юристы», слившись в едином взгляде на преступления коммунистических режимов, задали общий тон всему мероприятию.

Суть историко-юридических взглядов чешской политической элиты: настоящая конференция должна развить идеи, заложенные в недавних резолюциях по исторической проблематике Парламентской ассамблеи Совета Европы (25.01.06.) и Европарламента (02.04.09.), а также «Пражской декларации», принятой на другой международной конференции «Совесть Европы и коммунизм» (03.06.08.). Идеи, на развитии которых настаивали чешские «историки и юристы» от политики, известны и, в общем-то, сводятся к одной-единственной. Это уравнять нацизм и сталинизм, коммунизм и фашизм, объявить их одинаково преступными режимами, с тем чтобы впоследствии навязать России моральную вину за преступления сталинизма и далее добиваться «нового военного трибунала по преступлениям коммунистического режима» по подобию трибунала в Нюрнберге.

На строго научном уровне дискуссии ведутся о степени ответственности многих стран за развязывание мирового конфликта и его последствий для судеб народов и государств. По мере появления в научном обороте новых документов и их осмысления в международном историческом сообществе крепнет убеждение, что война в решающей степени стала результатом политики умиротворения агрессивного германского тоталитаризма и отсутствия консолидированной позиции сил, ему противостоящих. Уравнивать агрессора и жертву невозможно не только на историческом уровне рассмотрения предвоенного и военного противостояния. Одновременно и безнравственно считать агрессора и жертву одинаково ответственными за развязывание Второй мировой войны. Политика Советского Союза решала оборонительные задачи. Справедливости ради следует отметить, что методы их решения были достаточно спорными и порой грубыми. Это касается пакта Молотова–Риббентропа. Однако та же самая справедливость подсказывает, что Гитлер в любом случае — существовал бы этот пакт или нет — не отказался бы от нападения на Польшу. И с учетом просчитанной им ситуации, когда ни Франция, ни Англия на помощь Польше так никогда и не поспешили, несмотря на обязывающие их к этому существовавшие договоры, привел в действие механизм военного обеспечения своих агрессивных интересов.

Но, по мнению организаторов конференции, европейские государства просто обязаны на консенсусной основе признать преступность коммунистических режимов, уравненных с фашизмом, и их особую ответственность за Вторую мировую войну. Именно в этом состоит «цивилизационная миссия Чехии».

С точки зрения серьезных ученых, эта идея не выдерживает никакой критики и останавливаться на ней, чтобы в очередной раз разъяснять очевидные любому историку несоответствия унацизма и сталинизма, геополитических целей и средств их реализации, как-то даже неловко. (На эту тему размышляет Н. А. Нарочницкая, убедительно и не оставляя никаких сомнений и недоговоренностей). Но мотивированность конференции определялась политическими задачами, далекими от исторической науки и просто объективности.

Постановка проблемы весьма определенно нацелила дальнейшие выступления участников: преступления коммунистических режимов, как и преступления фашизма, следует интерпретировать как военные преступления, не имеющие срока давности. И для этого на площадке Европейского сообщества необходимо добиваться создания новой судебной структуры. Через ООН не пройдет. Россия вместе с Китаем заблокируют в Совете Безопасности подобные решения. Необходимо приложить все усилия, чтобы возложить ответственность за коммунистическое прошлое Европы на СССР, а на Россию, как его правопреемницу, — моральную ответственность.

Логика проста. Политически подвести вопрос к якобы справедливости выдвижения материальных претензий к России. Именно по такому пути и пошло дальнейшее обсуждение. Свою лепту в него внес представитель «Мемориала» Н. Петров, тоже и историк, и юрист в одном лице. Он свалил в одну большую кучу якобы искусственно созданный голодомор, откуда-то появившиеся массовые расправы над населением Прибалтики, Белоруссии и Польши, жестокость оккупантов, читай Красной Армии, и без излишней нагрузки аргументацией возложил все на Сталина. Ученая общественность конференции ликовала. Сами русские признают злодеяния фашистскими. Настало время понести им суровое наказание. И как-то и в голову никому не пришло, что наказывать-то придется избавителей мира от фашистской чумы и что в России выводы Н. Петрова могут, мягко говоря, не разделять.

Память о войне у разных народов разная и, пожалуй, напрямую зависит от степени их участия и понесенных потерь. В России память о войне, о цене, которую пришлось заплатить за победу, слишком остра и даже болезненна, так как прочно связывает болью каждую российскую семью с трагическими событиями тех лет. Организаторы конференции не захотели принять это в расчет. Что же до Н. Петрова, то его несло дальше. Россия движется в направлении авторитаризма, подавляя гражданскую активность правозащитных организаций.

Почему-то думается, что эти последние заключения Н. Петрова, кстати, никакого отношения к теме конференции не имеющие, были для него самыми главными. Ради них он претерпел мучения и докладывал, будучи не очень исторически просвещенным

по сути проблемы. Зато застолбил антироссийскую политическую позицию правозащитников и оттого их мученическую судьбу в России.

По итогам конференции была принята декларация, содержание которой по тому, как прошла конференция, можно было легко прописать и без ее проведения, в стиле «одобрямс». В документе, конечно же, нашла отражение необходимость создания «нового международного трибунала по преступлениям коммунистических режимов против человечества», содержится призыв к Еврокомиссии принять решение о запрете отрицания или постановки под сомнение преступлений коммунизма, как это сделано в отношении нацизма.

Спора нет. Тоталитаризм, коммунизм, сталинизм, гитлеризм и т.д. как научные и политические дефиниции могут и должны подвергаться научной и общественной экспертизе на новом, современном витке общественных представлений о последствиях их влияния на процесс цивилизационного развития. Но локомотивом их понимания и оценки не может и не должна быть политика. Сегодня отчетливо видно, как ряд государственных элит пытается в своих узкопрагматических интересах пересмотреть результаты Второй мировой войны за счет умаления роли России с тем, чтобы выторговать себе дивиденды, и не только политические, чтобы обелить свое, не всегда нравственно безукоризненное политическое прошлое, чтобы претендовать впоследствии на желаемые ими компенсации за «оккупацию» Россией их территорий в ходе войны.

Чувствуя поддержку и даже негласное одобрение со стороны общеевропейских структур и грандов мировой политической элиты, они по-шакальи (сравнение не мое, почерпнул его из прочитанного недавно исторического исследования, точность политических движений лимитрофов действительно напоминает повадки этих благородных животных) выстроились в очередь к различным общественным и политическим трибунам с целью принять участие в раздаче.

Неволен вопрос или даже вопросы, почему весьма значимые европейские структуры в своем похвальном стремлении глубже познать общее для континента и мира историческое прошлое, связанное с трагическими событиями Второй мировой войны, не хотят опираться на объективную историю без гнева и пристрастия? Почему на подобные форумы, проводимые под их эгидой, не приглашаются представители Российской Академии наук или ученые из признанных научных центров России? Почему российская общественность, и историческая в особенности, все больше приходит к выводу, что мнение России в отношении политизированного на Западе видения истории и результатов мировой войны зачастую остается без серьезного научного обсуждения? Почему ПАСЕ и Европарламент, выстраивая площадку для бесспорно необходимого человечеству более

глубокого осмысления ошибок общего европейского прошлого, на ней же роют новые политические окопы, сгравливая народы, расстреливая снарядами недобросовестно трактуемого прошлого общую историческую память, столь необходимую для устойчивого и успешного развития континента и мира?

А вот другой пример фальсификации истории в ущерб интересам России. Недавно состоялась презентация двухтомника «История России. XX век: 1894–1939. 1939–2007», опубликованного издательством «Астрель». Объемная работа — около 2000 страниц — подготовлена весьма широким коллективом авторов. Генеральным директором проекта и ответственным редактором в одном лице выступил профессор МГИМО — Университета А. Зубов, хотя издание это не имеет никакого отношения к МГИМО (У) и специалистами университета не просматривалось и не рецензировалось.

«Эта книга была написана за очень короткий период времени... Все недостатки — на мне», — признаёт ответственный редактор. Но скорость написания текстов отнюдь не защищает от вопросов к ним.

Известно, как остро в политических и научных кругах обсуждается тема фальсификации нашей истории, затрагивающей период Второй мировой войны. Не будем в очередной раз уточнять, что такое фальсификация, кому она нужна и какие цели она преследует: на эти вопросы легко ответит и сам читатель. Но вот почему генеральный директор проекта счёл возможным повествовать о предвоенной истории без объективного рассмотрения в контексте предшествующих ей событий Мюнхенского договора (или сговора, как его справедливо окрестили многие учёные), ответа в текстах мы не находим.

В книге этому договору отведено всего две строчки. «Захват Гитлером Чехословакии в нарушение Мюнхенского договора и его военные приготовления против Польши показали западным демократам тщетность политики умиротворения». И всё. А ведь нравственность, за которую так ратует генеральный директор в предисловии ответственного редактора, мол, исторические факты «требуют нравственного осмысления», как раз и была порушена Мюнхеном. Интересно, и почему договор этот, важнейший и краеугольный в истории довоенного противостояния, практически обойдён молчанием? Не с той ли целью, чтобы не подвергать его нравственному осмыслению?

«Для французов и особенно англичан, — читаем мы дальше, — переговоры с Москвой были, прежде всего, средством удержания Гитлера от войны с Польшей». Странно. Профессору должно быть известно, что таковым средством в международной политике, прежде всего, является договор и его исполнение. Подписали бы договор с Москвой, и, глядишь, остановили бы агрессию. Но не входило это в планы Парижа и Лондона, да и судьба Польши им была глубоко безразлична, что показали дальнейшие события. Главное,

что руководило их действиями, было оградить себя от гитлеровской агрессии, канализировать её на Восток, на СССР. И Бог с ней, с Польшей. Поэтому Лондон и Париж умышленно затягивали переговоры с Москвой. Даже делегацию на трёхсторонние переговоры направили туда на пассажирском пароходе (медленнее разве что на перекладных).

Или в книге звучит: «Сталин желал войны». Никаких документов, мало-мальски подтверждающих это утверждение, не приводится. А всё, что читаем мы дальше, свидетельствует совсем о другом. Сталин рассчитывал на выгодное вступление в войну, избежать которой к тому времени было уже невозможно. Но разве в Лондоне и Париже не считали точно так же и не «вели циничную игру сразу на двух шахматных досках, сравнивая возможные выгоды обоих вариантов», — как отмечается в книге только в адрес советского руководства. Неужели нравственность для одних — одна, а для других — другая?

И на бытовом, и на политическом уровнях стало традицией связывать историю с современностью. Во многом такое увязывание формирует представления об уроках истории, да и сами уроки. Мировой конфликт показал не только просчеты и преступления государственных элит и лидеров участвовавших в нем стран, но и страшную цену, уплаченную человечеством за эти просчеты. Именно политические и идеологические препятствия развели страны

антигитлеровской коалиции по окончании войны, разделив народы и государства новыми окопами «холодной войны». Наше время предоставляет новый уровень возможностей избежать того, что разъединяет народы. Историческая память может и должна служить всеобщему благу, предостерегая человечество от ошибок, совершенных и понятых.

К сожалению, сомнительные оценки и утверждения в двухтомной «Истории России» мешают не только историческому познанию. Они становятся неодолимой преградой и на пути нравственного осмысления событий, к чему стремится любой историк, любой преподаватель истории. В научных кругах это издание воспринято весьма неоднозначно и, полагаем, что серьёзное научное обсуждение этих книг и их оценки ещё впереди. Однако уже сейчас можно с уверенностью говорить, что рекомендовать это спорное издание для обучения было бы большой ошибкой.

Эти два примера — внутри и вне России — лишний раз свидетельствуют об огромном потенциале исторической науки в общественной жизни, о ее ответственности за будущее восприятие мира без политизированного и сознательного уничтожения стран и народов. Необходимо перешагнуть через искусственно возводимые политические преграды на пути исторического и общественного осмысления.